

УДК 821.131.1.09 (092)

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АВТОРСКОЙ МАНЕРЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПРОЗЕ ДИНО БУЦЦАТИ****М.И. ТИХОНЕНКО***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Исследованы особенности манеры повествования в произведениях малой и крупной формы итальянского автора середины XX века Дино Буццати. Анализируется прием искажения пространственно-временного континуума в канве сюжетного повествования и его влияние на восприятие произведений. Роман «Татарская пустыня» («Il Deserto dei tartari»), а также новеллы и рассказы, вошедшие в сборник «Шестьдесят рассказов» («Sessanta racconti»), представляют особый интерес для исследования в связи с многоплановостью трактовки образов и символов, использованных автором. В работах Дино Буццати на первый план выходит проблема человеческого бытия, проблема жизни и смерти, осознание уникальности человека и частой несовместимости его мировоззрения с интересами общества.

Введение. В предисловии к роману Дино Буццати «Татарская пустыня» Хорхе Луис Борхес отметил, что единственное время, которое невозможно постичь одним человеческим разумом, – это современность [1, с. 5]. Литература XX века предстает перед нами во всем своем многообразии, именно по этой причине данное столетие справедливо назвали неклассическим. Этот век представил нам образ писателя-философа, психолога, творца, который отодвигает рационализм на второй план, предлагая читателю пропущенную через индивидуальное сознание человеческую историю, свою маленькую истину-исповедь. Литература Италии подарила европейской и мировой культуре писателя, который стоял особняком, вне литературных школ и направлений, мастера фантастико-психологических новелл и романов. Имя этого писателя – Дино Буццати. Многие литературоведы отмечали исключительную многогранность его таланта, подчеркивая, что перед нами не просто писатель середины XX века, но и выдающийся художник, философ и сказочник своей эпохи. Дино Буццати – писатель, обладающий особой манерой повествования, он умело создает иллюзию простоты и доступности вокруг каждого своего произведения, будь то новелла или роман. Но за призрачной простотой кроется огромный мир, целая вселенная, наполненная глубоким смыслом, многочисленными аллюзиями и символами. Лейтмотивом всех произведений автора является непрерывный поиск истины и смысла жизни, осознание человеческого предназначения в мире.

Основная часть. В произведениях Дино Буццати малого и крупного жанра часто встречается мотив ожидания и поиска себя, непрерывного бега времени и совершения выбора. Для героя новеллы «Курьерский поезд» пограничной ситуацией, ставящей его перед выбором, является встреча с матерью во время небольшой остановки поезда. Данная пограничная ситуация является моментом острого эмоционального выбора, когда герой должен принять решение: остаться с матерью, прекратить свой путь, сделать остановку или двигаться дальше, отправиться в путешествие, которое не имеет конечного пункта назначения. Этот выбор необходимо сделать в одночасье, поскольку поезд не ждет. И герой совершает выбор, двигаясь дальше. Поезд мчится вперед, а герой оставляет позади свою прежнюю жизнь, любимую девушку, мать. В пути проходят месяцы, годы, жизнь главного героя, и невозможно понять, когда будет последняя станция на этом пути: «Как далеко наша последняя станция? Доберемся ли мы когда-нибудь до нее? Стоило ли бежать так поспешно из любимых мест, от любимых людей?» [2, с. 37]. Героя одолевают чувства страха и тревоги. С подобными чувствами сталкивается герой новеллы Буццати «Семь этажей» Джузеппе Корте. В данной новелле главному герою приходится спускаться все ниже по этажам больницы, он начинает свой путь с седьмого этажа и завершает его на первом, в морге. На протяжении всей новеллы герой ощущает приближающуюся смерть, но не может остановить бег времени, не может вступить в борьбу с судьбой, поскольку не способен самостоятельно сделать выбор: «Джузеппе, прикованный к постели, неотрывно глядел на зелень деревьев и ощущал себя в каком-то нереальном мире: пугающе белые, выложенные кафелем стены, холодные, плотно закрытые двери, словно ведущие в покойницкую, такие же белоснежные призрачные фигуры в халатах» (здесь и далее при отсутствии ссылки на русское издание перевод наш. – М. Т.) [3, с. 114]. Буццати в своих новеллах не стремится пробудить эмоции читателей, он сам, являясь узником собственных чувств, пытается освободиться от них, выплеснув их на бумагу.

Мировосприятие персонажей преломляется через призму ощущений их «создателя», самого автора, это видение действительности не существует изолированно в каждом рассказе, оно тонкой нитью «сшивает» все произведения Буццати в единое лоскутное одеяло, создавая целостную картину мира. Однако этот мир иллюзорен и зыбок. Фабулы его произведений отличны лишь внешне, а за кажущимся

разнообразием кроется цельное повествование о бесконечном движении времени, о непрерывном ходе жизни и о беге человека на месте, о неспособности угнаться за ускользающими мгновениями. Каждый фрагмент его произведений как малой, так и крупной формы в конечном счете образует цельную философскую концепцию автора. Дино Буццати подготовил для своих персонажей ряд испытаний, через которые им предстоит пройти. В романе «Татарская пустыня» главного героя Джованни Дрого ожидают значительные события и испытания, которые повлияют на его мировоззрение. И герою предстоит их мужественно преодолеть. Возникает аналогия с библейским сюжетом: «И сказал Господь Моисею: пойдй, иди отсюда ты и народ, который ты вывел из земли Египетской, в землю, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «потомству твоему дам ее» (*Ветхий Завет, Исход, 33:1*). Жизнь Моисея – это также парадигма осмысления самого себя и своего призвания. Ему суждено сотворить роковые события, а именно: «сотворить народ силой своей воли и духа», преодолеть внутренние сомнения и колебания, отправиться по воле Божьей в Египет, чтобы предстать перед фараоном и вместе с братом Аароном произнести: «Отпусти народ Мой...» (*Ветхий Завет, Исход, 5:1*).

Дино Буццати был до последнего дня жизни равнодушен к церковным институтам, порой даже шуточно заигрывал с бытующими нормами морали. К примеру, он выпустил комикс под названием «Графический роман», иллюстрации к которому по тем временам расценивались как настоящая порнография. Тем не менее, во всех его рассказах и новеллах религия, именно с точки зрения веры в Высшее Существо, представлена открыто и эксплицитно. Будучи журналистом, Буццати неоднократно прибегал к использованию библейской символики и аллюзий на страницах своих произведений. Особенно интересным для изучения является тот факт, что автор мастерски вплетает нити библейской символики в экзистенциальный подтекст. При этом очень часто из своих героев Буццати делает второстепенных персонажей, выдвигая на передний план фабульное обрамление повествования. В произведениях автора редко встречается рефлексия страданий героев, зато гораздо чаще показывается обстановка, пейзажные зарисовки, описания мест, где разворачиваются события.

Роман «Татарская пустыня» был написан в период «черного двадцатилетия», во времена правления Муссолини. В связи со сложной политической ситуацией в самой Италии и в Европе в целом накануне Второй мировой войны, а также по причине экстраполяции взглядов общества, данное произведение середины XX века было не сразу замечено и оценено критиками и читателями.

Роман многогранен, аллегоричен, имеет несколько уровней прочтения. Сюжет произведения по своему довольно прост и беден на события: молодой лейтенант Джованни Дрого, полный ожиданий, сил и надежд, отправляется на службу в отрезанную от мира и всеми забытую Крепость Бастиани, которая находится уединенно в горах, на краю пустыни. Все обитатели форта живут в ожидании нападения вражеских войск, мечтая проявить себя в бою и умереть героями своей страны. Главный герой не является исключением: он тоже мечтает об удаче, чудесном случае, приключении всей жизни. Однако в этом ожидании проходит неделя, четыре месяца, два года. Постепенно ежедневная рутина и обыденность становятся частью Джованни Дрого, все его последующие дни напоминают предыдущие, он даже перестал обращать внимание на время, которое, тем не менее, не прекращало свой бег ни на мгновение. Так проходит его жизнь, утекая сквозь пальцы, как крупитцы песка. Эта пресность и однообразность сюжета в романе неслучайна, для Буццати персонажи являются вторичным аспектом по отношению к фабуле, к смысловому центру произведения. Переводчик произведений Буццати на английский язык Марина Харрс в одном интервью призналась, что автора крайне сложно переводить из-за обильной смысловой нагруженности его текстов: «...в его рассказах каждое слово обретает смысл» [4]. Несмотря на отсутствие динамики сюжетного развития, при прочтении «Татарской пустыни» присутствует ощущение магической атмосферы, не укладывающейся в пределы повседневного опыта. И все это не случайно. Сам Дино Буццати был личностью многогранной: он был прозаиком, поэтом, журналистом и художником. Но прежде всего он был писателем, который творил вне времени и вне модных влияний. Работая в одной из самых влиятельных газет Италии «Коррьере делла сера», Буццати рано начал делать первые шаги на литературном поприще. Каждый день в редакции он сталкивался с реальными событиями, ежедневными происшествнями, противоречивыми суждениями. Именно в попытке абстрагироваться от реальности автор стремится в своих произведениях, и в частности в «Татарской пустыне», отойти от привычного повествования. Буццати обращается к магическому реализму, вплетая в реалистическую канву повествования магические и фантастические элементы. Автор использует такие элементы данного метода, как многочисленные символы, аллюзии и образы, детали сенсорного восприятия, временной коллапс, изменение причинно-следственных связей, контраст прошлого и настоящего, открытый финал произведения, представление событий с альтернативных точек зрения, когда голос рассказчика переключается с третьего на первое лицо, а также частые переходы между точками зрения разных персонажей и внутренним монологом относительно общих взаимоотношений и воспоминаний.

Наполненность символами, аллюзиями и образами «помогает читателю целостно прочувствовать и ощутить колорит произведений Буццати» [5, с. 54]. Многие символы переходят из одного произведе-

ния в другое: это и некий Город-Крепость, всегда окруженный неприступной стеной, затерянный среди гор где-то вне времени, пугающий и непостижимый, это и Пустыня-Степь, всегда загадочная, неизведанная, как сама жизнь, это и Дорога, всегда ведущая туда, где ждет единственно возможный пункт назначения – смерть. На этом пути Буццати ставит своих героев перед двумя чашами весов. На одной из них – свобода и полная ответственность за свои поступки, на другой – иллюзорная легкость бытия и в то же время безликая толпа, частью которой можно стать, сбросив с собственных плеч груз ответственности за принятие решений и необходимость выбора. Пустыня, ночь, желтые стены крепости, каменные своды гор – символы безысходности и обреченности, одиночества и непостижимости загадок судьбы.

Сенсорное восприятие как элемент магического реализма используется Буццати для более яркого и колоритного описания окружающей персонажей действительности. В данной ситуации сам автор выступает в качестве «везднающего нарратора», позволяя героям сформировать собственное мировосприятие. Использование многочисленных деталей сенсорики (запахи, цвета, звуки) оказывает непосредственное влияние на перцепцию читателем колорита произведения и раскрывает глубинные слои прочтения и трактовки образов.

Дино Буццати вводит в свои работы элемент временного коллапса. В частности, в романе «Татарская пустыня», в новеллах «Семь этажей», «Мыши», «Экзамен», «Семь гонцов» данный элемент выступает своего рода рефреном одиночества. Во многих работах автора описываемое им настоящее напоминает прошлое, а порой просто копирует его. В новелле «Экзамен» главный герой Франческо Менегелло попадает в школу, в которой он когда-то учился сам, и понимает, что с его детства здесь практически ничего не изменилось. Однако героя преследует странное чувство ирреальности происходящего, будто все вокруг осталось тем же самым, но в другом измерении: «Менегелло заметил, что и на столе, и на книгах, и на журналах лежала пыль, образовав приблизительно сантиметровой слой. Она осела и на преподавателях, сделав их похожими на манекены, брошенные на чердак. Поэтому было очень странно, как неосознанные мусоринки обозначают каждый изгиб, создавая на голове, на носу, на плечах, на одежде мягкие очертания, подобные снегу на статуях в саду» [2, с. 147].

Привычная для читателей фантастика в работах Дино Буццати обретает свою особую, неповторимую индивидуальность. Не случайно многие литературоведы называли «Татарскую пустыню» романом-параболой, притчей, аллегорией. Это «не обычный реалистический роман, а роман-притча», в котором «символов предостаточно» [6, с. 81]. На страницах произведения реальная жизнь теряет четкие контуры, расплывается, становится алогичной, как во сне. Часто этому способствует использование такого способа повествования, как диегезис, который представляет собой взгляд на мир произведения «изнутри», иными словами, описывает действия и чувства героев так, как они есть, без изображения событий посредством образов: «Мария крепко пожала ему руку, глядя прямо в глаза. Возможно, этот взгляд призывал его не уезжать вот так, не винить ее, попытаться еще спасти то, что кажется потерянным?» [1, с. 215].

На первый взгляд кажется, что роман «Татарская пустыня» проникнут пессимистическими настроениями, «чувством безысходности и утратой жизненных ориентиров» [7, с. 91]. Именно по этой причине литературоведы и критики часто сравнивают Дино Буццати с Францем Кафкой. С одной стороны, это вполне закономерная, естественная ассоциация, поскольку при прочтении романа невольно на первый план выходит аналогия с кафкианской позицией о бессмысленности и абсурдности бытия. Но при глубинном анализе произведения позиция Буццати раскрывается с более оптимистичной и жизнеутверждающей стороны, поскольку в авторском «пессимизме» кроется особая творческая сила мастера. На примере своих героев Дино Буццати подчеркивает, что человек может противостоять неотвратимому бегу времени, избежать повседневной рутины, обрести надежду. Сам автор верит в неистовую силу духа человека. «Татарская пустыня» – роман о времени, поглощающем жизнь, а также о том, как «бессильный перед роковой неотвратимостью времени человек может сохранить свое человеческое достоинство» [8, с. 14].

Своей эскалации внутренний конфликт героев Буццати достигает в ситуации самоопределения. Это своего рода кульминационная точка каждого произведения автора, поскольку именно в этот момент персонажи совершают осознанный выбор. Так, к примеру, для героя «Татарской пустыни» Джованни Дрого такой момент наступает, когда он принимает решение остаться в Крепости, променяв жизнь вдали от нашествия вражеских войск на верную смерть. Герой готов перед лицом смерти найти себя, стать свободным, обрести надежду: «Один в целом свете, больной, выброшенный за ненадобностью из Крепости, как балласт, он, обойденный всеми, неуверенный и слабый, возмечтал, что не все еще потеряно, что именно сейчас ему представился небывалый случай вступить в последнюю битву, которая сможет оправдать всю его жизнь» [1, с. 277]. Дрого понимает, что теперь он свободен от чар Крепости, от пустых иллюзий. Наконец-то на закате жизни он ощутил свое величие и смог взглянуть в глаза своего истинного врага – Смерти. В данной ситуации отчетливо прослеживается экзистенциальный подтекст. Как отмечал один из основоположников немецкого экзистенциализма Мартин Хайдеггер: «Смерть, как конец присутствия, есть самая отличительная, несводимая, неминуемая и как таковая неопережаемая возможность бытия» [9, с. 315]. Хайдеггер показывает, что смерть должна пониматься не как конец жизни человека,

но что само «здесь-бытие» должно быть истолковано и определено как бытие-к-смерти. Подобная перцепция смерти прослеживается и в произведениях самого Буццати.

Джованни Дрого постепенно освобождается от пустых иллюзий и напрасных ожиданий. Несмотря на карьерный рост и успехи по службе (он уже майор и помощник коменданта гарнизона), герой романа осознает, что его надежды с каждой минутой слабеют, да и сам он уже «начал худеть, лицо его приобрело неприятный желтоватый оттенок, мышцы сделались дряблыми» [1, с. 277]. Однако на закате жизни майор Дрого улыбается. И эта улыбка полна легкости, окрыленности и веры. Герой осознал истинный смысл своего существования, благодаря чему все страхи перед лицом смерти рассеиваются, и «черный портал», на который он пошел грудью, рушится, открывая путь к свету.

Роман «Татарская пустыня» является третьим романом Дино Буццати, он увидел свет в 1940 году, однако истинное признание получил лишь в последней трети XX века. Данное произведение в европейской критике часто называют ночным, поскольку действие в нем практически всегда происходит в вечернее или ночное время суток. Интересным моментом является тот факт, что и сам Буццати писал свой роман исключительно по ночам. Действия и события, которым отводится в произведении основное место, относятся к миру снов и иллюзий. Дневная жизнь для Джованни Дрого однообразна и монотонна, она лишена событий и лишь разрушает мечты главного героя. Ночь же наоборот становится для него спасением: герой погружается в мир грез, и время, такое беспощадное днем, ночью замедляет свой ход. На первый план выходят фантазии, в которых Дрого может сразиться с врагом, поучаствовать в военных баталиях и обрести такую желанную славу. Отстраняясь от жизни реальной, герой на подсознательном уровне приближает себя к смерти. В библейских текстах именно «ночь является символом вечного упокоения» [10, с. 248]. Мечты Джованни Дрого поглощают его, он не живет, а существует, не осознавая бега времени. Приближаясь к закату жизни, Джованни не способен справиться со своими иллюзиями: «Страницы переворачиваются, проходят месяцы и годы. А Джованни Дрого еще чего-то ждет, хотя надежды его с каждой минутой слабеют» [1, с. 281].

Сперва Буццати ведет медленное и размеренное повествование о жизни обитателей Крепости, излагая все подробности их гарнизонной жизни. Этот рассказ о первых четырех годах жизни Джованни Дрого занимает значительную часть романа. Но как только сам читатель погружается в эту ежедневную рутину, автор неожиданно ускоряет бег времени произведения. И вот уже незаметно пролетают тридцать лет. Герой уже не юный офицер, а пожилой майор, который, однако, по-прежнему живет иллюзиями и тешит себя несбыточными надеждами. Буццати мастерски выстраивает сюжетное повествование. Автору важно донести одну очень важную мысль до своего читателя: необходимо освободиться от власти предметного мира, соприкоснуться с подлинной жизнью, отпустить призрачные иллюзии. Джованни Дрого провел всю жизнь в ожидании, которое с течением времени превратилось для него в одержимость. Сам автор называет это состояние «надеждой, доведенной до крайности» [11, с. 156]. Находясь в постоянном ожидании врагов, герой романа остро ощущает одиночество, безысходность, бездействие, желание отгородиться от внешнего мира. Эти чувства разрушают его изнутри, убивают в нем всякую надежду. И лишь на смертном одре главный герой романа осознает всю ценность утраченных мгновений, из которых складывался его жизненный путь.

Заключение. Таким образом, благодаря использованию богатой палитры символов и аллюзий в произведениях Буццати малого и крупного жанра можно проследить черты магического реализма. Поскольку его отличительным признаком является «присутствие иллюзорного и параллельного «другого» мира» [12, с. 85]. Автор мастерски искажает в своих произведениях рамки пространственно-временного континуума. При этом временные границы нарочито размываются либо стираются вовсе, в то время как пространственные рамки сужаются и концентрируются исключительно на какой-либо одной локации-доминанте, вокруг которой разворачивается сюжет произведения: поезд в новелле «Курьерский поезд», здание больницы в новелле «Семь этажей», крепость Бастиани в романе «Татарская пустыня». Автор уводит своих читателей в мир воображаемый, парадоксальный. Именно благодаря искаженной перцепции пространства и времени ценность каждой минуты, невозможность вернуть утраченные мгновения становятся остро ощутимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буццати, Д. Татарская пустыня / Д. Буццати ; пер. Ф. Двин. – СПб. : Амфора, 2003. – 302 с.
2. Буццати Д. Татарская пустыня, рассказы / Д. Буццати ; пер. Ф. Двин. – М. : Махаон, 2004. – 512 с.
3. Buzzati, D. Bosch: il maestro del Giudizio Universale / D. Buzzati. – Rizzoli : Classici dell'arte, 1966. – P. 102–121.
4. Translating Dino Buzzati: A Conversation with Marina Harss [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wordswithoutborders.org/article/translating-dino-buzzati-a-conversation-with-marina-harss>. – Дата доступа: 16.06.2015.
5. Каспэ, И. Пограничная крепость Буццати / И. Каспэ // Ex Libris НГ. – 1999. – С. 52–54.

6. Кин, Ц. Самый магический итальянский писатель / Ц. Кин // Звезда. – 1989. – № 2. – С. 80–82.
7. Ядловская, А.В. Экзистенциалистские мотивы в творчестве Дино Буццати / А.В. Ядловская // Вест. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1, Педагогіка. Філалогія. – 2009. – № 2. – С. 90–93.
8. Хлодовский, Р. Гиперболы и параболы печального Дино Буццати / Р. Хлодовский // Татарская пустыня: Роман / Пер. с итал. / Д. Буццати; сост. и авт. предисл. Р. Хлодовский. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – С. 5–28.
9. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер ; пер. и вступ. ст. А.В. Михайлова. – М. : Гнозис, 1993. – 464 с.
10. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер ; пер. с англ. С. Палько. – М. : Фаир-пресс, 2001. – 448 с.
11. Suffran, M. Bastiani ou le For intérieur / M. Suffran // A. Lagoni Danstrup: Laffont, 1979 – 223 p.
12. Верклер, А.Г. Герменевтика. Принципы и процесс толкования Библии / Г.А. Верклер. – М. : Бэйкер бук хаус, 1995. – 177 с.

Поступила 22.06.2015

SOME FEATURES OF NARRATIVE AUTHOR'S MANNER IN THE PROSE OF DINO BUZZATI

M. TIKHONENKO

The article is devoted to the research of particular narrative manner in the works of small and large forms of the author of mid-20th century Dino Buzzati. In the article the reception of distortion of space-time continuum in the storytelling canvas and its impact on the perception of works is analyzed. The novel «The Tartar Steppe» («Il Deserto dei tartari»), as well as short stories included in the collected stories «Sixty stories» («Sessanta racconti») are of particular interest for research in terms of reading in connection with the multidimensional interpretation of images and symbols used by the author in the pages of his works. In the novels and stories of Dino Buzzati the problem of human existence, the essence of its social being, the problem of life and death, the awareness of the human uniqueness and the incompatibility of his interests with ones of the society come to the foreground.